

СООБЩЕНИЯ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, В. А. ЛИВШИЦ

СЭВРЭЙСКИЙ КАМЕНЬ

Летом 1948 г. в Гоби работала Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР. Начальником экспедиции И. А. Ефремовым было получено сообщение об обнаруженных местным учителем на крайнем юге пустыни близ Сэврэй-сомона двух камнях с надписями, знаки которых «походили на европейские буквы». И. А. Ефремов предположил, что речь могла идти о древнетюркских рунических надписях¹. Это было первое, хотя еще и не проверенное, сообщение о рунической эпиграфике в Гоби. До того зона ее распространения в Монголии связывалась только с северной частью страны. Годом позже (1949), в другом месте Гоби, у подножия Арц Богдо (Гобийский Алтай), А. П. Окладников обнаружил камень с одиннадцатью руническими знаками². Таким образом, наличие древнетюркской эпиграфики в Гоби получило подтверждение.

В 1968 г. академик Б. Ринчен опубликовал рисунок нескольких знаков Сэврэйской надписи и слепую фотографию камня, на который они были нанесены³. Предположение И. А. Ефремова оправдалось — знаки действительно оказались руническими. В 1969 г. одному из авторов этой статьи (С. Г. Кляшторному) удалось обследовать памятник на месте⁴. Камней оказалось не два, как сообщил И. А. Ефремову его информатор, а один, но надписей действительно было две. Лежащая на равнине в 6 км к юго-востоку от Сэврэй-сомона стела из крупнозернистого, трещиноватого мрамора, прямоугольная в сечении, имеет лишь одну затесанную и подшлифованную грань, на которую нанесен текст. Остальные грани и оба основания грубо обколоты. Размеры стелы: высота 0,8 м, ширина по затесанной плоскости 0,45 (0,47) м, толщина 0,7 м (рис. 1).

¹ И. А. Ефремов. Дорога ветров. Гобийские заметки. 2-е изд. М., 1962, стр. 229.

² А. Н. Бернштам. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. — «Эпиграфика Востока», т. XII, 1958, стр. 68—69. Ныне камень с надписью находится в кабинете археологии Института истории АН МНР и подготовлен к публикации В. Н. Надеяевым.

³ Rintchen. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les steles en Mongolie. Oulan-Bator, 1968, стр. 42.

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить за содействие научных сотрудников АН МНР Х. Лубсанбадана, М. Шинэчу, Б. Базылхана и шофера эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции Я. И. Здонова. — С. Кляшторный.

Памятник не раз повреждался; видимо, сколота его верхушка, а вся лицевая грань покрыта крупными шербинами, совершенно испортившими знаки. На лицевой грани строго симметрично, занимая равные доли поверхности, расположены две надписи, каждая из семи строк: по одну сторону согдийская и по другую — руническая. Рунические знаки размещены необычно далеко друг от друга — несомненно с целью сохранения внешней симметрии расположения текстов (рис. 2 и 3). Визуальное изучение памятника, эстампаж и фотографии позволяют с трудом установить очень небольшую часть согдийской и немногие знаки рунической надписей.

Согдийская надпись⁵:

- {γ'n }
 (1) s(r)δ (nwkr) [β?]γ[y] ('wy)γ(wr) γ(')
 (2) (rty pyštr 'kw? 'y) [n] ('δ t) [r] (γ'n) (s'r)
 (3) (p'r) s'r (')kw 'w(y) [γwr γ'γ'] (n 'YK)
 (4) (pyš) trw wδ(y)
 (5) (γ'γ'n s'r) w'nkw ntyš/kwy/
 (6) (. . . t)δ'r (nt) [r] (tpy) [štr? . . .] . . .
 (7) pc

Перевод:

- (1) год. Тогда господин уйгурский каган (?)
 (2) и затем к (?) Иналь-тархану
 (3) и затем (он обратился) к уйгурскому кагану, де мол:
 (4) Потом там
 (5) к кагану он так обратился
 (6) они И затем (?)

Тюркская надпись:

- (1) p s²(?) nt
 (2) t²mr¹ mis² t¹n²
 (3) k² z on nč¹l'a: h¹ muj¹γ(a?)
 (4) igü(?) s² ur¹γ ü
 (5) k²ü(l) t¹r¹
 (6) n¹l¹ qut¹l¹(γ) b¹
 (7) inī j¹γ¹ay(r)

Перевод:

- (3) десять (?) мятеж (ный?)
 (4) род (?)
 (5) Кю(ль)-тар(кан)
 (6) (ы)нал Кутлу(г)
 (7) Инги Яглага (р)

Памятник не содержит никаких прямых указаний на даты. Тем не менее попытка его датирования отнюдь не безнадежна. Судя по начер-

⁵ В транслитерации надписи в круглые скобки заключены частично поврежденные буквы, квадратные скобки указывают на восстановление разрушенных букв.

таниям согдийских букв, надпись сделана не ранее, чем в конце VIII—IX вв. Рунический дуктус, более развитый в сравнении с кошоададамским,

Рис. 1. Общий вид Сэврэйского памятника

ближе к варианту Селенгинского памятника (около 759 г.), нежели к чрезмерно вычурным начертаниям конца уйгурской эпохи, столь характерным для Карабалгасунской стелы (821 г.). Палеографическую датировку подтверждает упоминание в согдийском тексте некоего уйгурского кагана, а в тюркском тексте⁶ — родового имени уйгурской династии. Общая датировка Сэврэйского камня не выходит, таким образом, за пределы времени существования Уйгурского каганата в Монголии (744—840 гг.). Основанием для более точной датировки памятника может стать: а) рассмотрение обстоятельств, связанных с местоположением и назначением памятника; б) наличие параллельного тюркскому согдийского текста; в) атрибуция имен и титулов в обоих текстах.

Вблизи камня нет никаких следов погребальных сооружений, что исключает предположение об эпитафии и заставляет думать об ином назначении стелы. В Селенгинской надписи (памятник Баян-чора) содержится сообщение о сооружении первыми уйгурскими каганами триумфальных памятников. Так, завоевав территорию нынешней Тувы, каган Баян-чор приказывает сочинить и врезать в камень его «знаки и письмена». Вслед за тем, подчинив татар, Баян-чор вновь приказывает «сочинить на плоском камне» его «вечные письмена»⁷. Вряд ли существовала иная причина для сооружения Сэврэйского памятника. Его местоположение близ южной границы каганата, в прорыве между хребтами Дзолэн и Сэврэй, на прямой дороге тюркских и уйгурских походов в Китай, как будто указывает и на возможное содержание надписи. Белая мраморная глыба, резко выделявшаяся на бурой поверхности щебенчатой пустыни, установлена в горловине широкой межгорной долины, от-

⁶ Это имя теперь трижды зафиксировано в рунических текстах: в Суджинском памятнике (стк. 1), в исследованном нами (1969 г.) и еще неопубликованном тексте Тарьятской стелы (западная сторона, стк. 2) *jaulaqar*; в Сэврэйской надписи *jaulaqar(r)*. Ср.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 84—87; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 162—164. О формах того же имени в китайских, среднеперсидских и хотано-сакских текстах см.: F. W. K. Müller. Uigurische Glossen. — «Festschrift für F. Hirth». Berlin, 1920, стр. 310—311; P. Pelliot. A propos des Comans. — «Journal Asiatique». Paris, 1920, t. XV, № 2, стр. 142; H. W. Bailey. The Staël-Holstein Miscellany. — «Asia Major». Leiden, 1951, vol. II, pt. 1, стр. 17; J. R. Hamilton. Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, стр. 160.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 40.

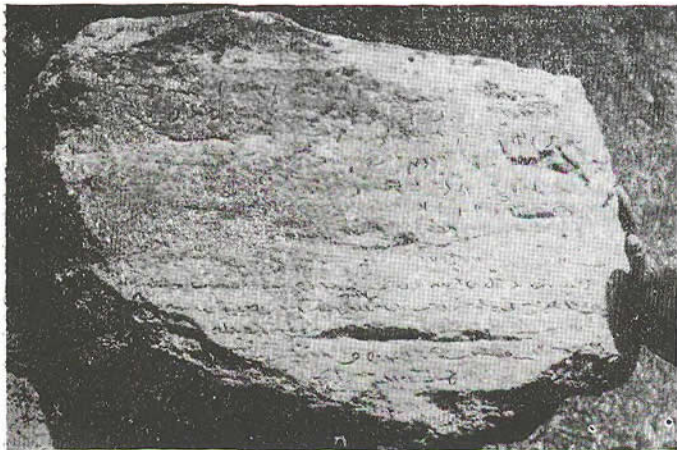

Рис. 2 и 3. Согдийский и древнетюркский рунический тексты

крытой на юг, к обширной дельте р. Эдзин-гол, удобному пути через Алашаньские пески к Великой стене⁸.

Предполагая, что Сэврэйский камень один из триумфальных памятников, воздвигнутых по приказанию упоминаемого в тексте уйгурского кагана в честь победоносного уйгурского войска, возвратившегося из похода в Китай, мы получаем возможность сузить хронологический диапазон обеих надписей. Все сколько-нибудь значительные уйгурские походы в Китай, отмеченные источниками, относятся к периоду между 757—791 гг.⁹ Собственно, речь идет о четырех походах (конца 757 г., конца 762 г., 765 г., 790—791 гг.), последний из которых следует исключить, так как в этом случае местом действия была Джунгария, где уйгуры сражались против тибетцев¹⁰. Лишь один из этих походов (конца 762 г.) возглавлялся непосредственно уйгурским каганом.

Другим обстоятельством, помогающим датировать памятник, является наличие наряду с тюркским согдийского текста. Теперь уже достаточно проявилась значительная роль согдийцев в политической, экономической и культурной жизни Тюркского и Уйгурского каганатов¹¹. Первый тюркский историко-биографический памятник — мемориальная стена одного из членов тюркского каганского рода Ашина (начало 80-х годов VI в.) — написан на согдийском языке, очевидно достаточно распространенном среди тюркской аристократии той эпохи¹². Однако уже памятники второго Тюркского каганата (682—744 гг.) писались только на тюркском языке¹³. Ничем не отличается от рунических текстов тюркского времени и первая большая уйгурская надпись, выполненная руническим письмом, — памятник кагана Баян-чора. Иное дело трехязычный Карабалгасунский памятник, тюркский текст которого сохранился лишь во фрагментах. Две его другие версии, китайская и согдийская, рассказывают не только о военных победах и политических успехах уйгурских каганов, но и о событии, которое стало центром повествования — обращении уйгурского кагана и его окружения в манихейство под влиянием согдийских миссионеров. Именно смена веры и сделала согдийский язык, язык новой религии уйгуров, вторым государственным языком каганата¹⁴. Принятие новой веры произошло в 762 г.

В согдийской версии текста Сэврэйского памятника несколько раз упоминают «господин уйгурский каган», о словах и делах которого повествует надпись. Имя кагана здесь не сохранилось. В тюркской версии не

⁸ По мнению А. Германа, маршрут через Сэврэй-Эдзин-гол вообще был единственным достойным обозначения путем из Отюкенской ставки в Хангае в Китай (через Ганьчжоу). См.: А. Herrmann. An historical atlas of China. New edition. Amsterdam, 1966, стр. 29. Следует, однако, иметь в виду и другой путь, совпадающий с позднейшим Ургинско-Калганским тележным трактом.

⁹ С. Mackerras. Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840). — «Central Asiatic Journal», vol. XIII, № 3. Wiesbaden, 1969, стр. 216.

¹⁰ H. Eshed. Uighurs and Tibetans in Pei-ling (790—791 A. D.). — «Acta Orientalia Hungarica», t. XVII, fasc. 1. Budapest, 1964, стр. 83—104. Маршруты набегов 778 и 806 гг. (последний вместе с татабы) на Хэдун (восточнее Ордоса) также оставляли далеко на стороне путь через Сэврэй.

¹¹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 78—122.

¹² С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — В сб.: «Страны и народы Востока», т. X. М., 1971, стр. 121—146.

¹³ Китайские тексты памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, содержащие сободезования императора Сюаньцзуня, непосредственно с содержанием и названием тюркских надписей не связаны. Ср.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, стр. 56—57.

¹⁴ E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. — «Journal Asiatique», ser. XI. Paris, 1913, стр. 201—223; Jes P. Asmussen. Xuastuaniit Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965, стр. 146.

сохранилась каганская титулатура, но читается имя *Инги Яглакар*. Вторая часть имени хорошо известна и означает принадлежность к правящему роду (династии) уйгурских каганов. Первое же слово является адекватной передачей китайского *ин-и* (танское **iəŋŋie*)¹⁵, встречающегося среди имен и титулов уйгурских каганов дважды: в именовании уйгурского правителя Ганьчжоу (Яньмэй Ин-и-кэхань, ум. в 924 г.)¹⁶ и третьего уйгурского государя в Монголии, Идигань Музуй-кэханя (Иди-кен Бёгю-каган, 759—779 гг.)¹⁷. Первый случай выпадает из рассмотрения. Что же касается Бёгю-кагана, то он стал именоваться Инги в 762 г.

В 755 г. китайский военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, Ань Лу-шань, поднял восстание в Фаньяне¹⁸. Его армия, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император Сюаньцзун бежал на юг, а обе столицы, Лоян и Чанань, перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к уйгурскому кагану Баян-чору (747—759)¹⁹. Уйгурская конница, возглавляемая наследником каганского престола, носившим титул *ябгу*²⁰, нанесла поражение войскам Ань Лу-шаня. Получив обещанное вознаграждение, уйгуры вернулись обратно, чтобы принять участие в походе против кыргызов (758)²¹.

Однако внутренняя война в Китае продолжалась. В 757 г. Ань Лу-шань был убит своими приближенными. Его сын Ань Цин-суй, сменивший отца, также стал жертвой заговора (759), и восстание возглавил опытный полководец, соратник Ань Лу-шаня, согдиец Ши Сы-мин, а с апреля 761 г. — его старший сын Ши Чао-и²². Северо-восточный Китай был опустошен военными действиями, имперские войска терпели неудачи, но и их противник уже не был способен одержать решающую победу. В возникшей обстановке внешнее вмешательство могло окончательно склонить чашу весов в пользу той или иной стороны.

Первым понял это Ши Чао-и. Его послам удалось было привлечь Бёгю-кагана на сторону мятежной армии, но более эффективные действия танской дипломатии изменили положение. «В первый год Бао-ни (762), Тайцзун, который только что вступил на престол..., послал евнуха Лю Цин-тана (к кагану) просить уйгурского войска и укрепить прежний

¹⁵ Консультация С. Е. Яхонтова.

¹⁶ J. Hamilton. Les Ouighours, стр. 69, 143. Дж. Гамильтон переводит *ин-и* как «храбрый и справедливый».

¹⁷ J. Hamilton. Les Ouighours, стр. 139. В Карабалгасунском памятнике он именуется «Достигший небесной благодати, правящий государством, мужественный, славный и мудрый каган» (*tānridā qut bulmys il tutmys alp kiliğ bilgā qaγan*). См.: E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen, стр. 211.

¹⁸ О происхождении Ань Лу-шаня см.: E. G. Pulleyblank. The background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955, стр. 7—23. (London, Oriental series, vol. 4).

¹⁹ Правильное чтение этого имени, вместо традиционного Моюн-чур, предложил П. Пелью. См.: P. Pelliot. A propos des Comans. — «Journal Asiatique», Paris, 1920, стр. 153.

²⁰ C. Mackerras. The Uighur Empire (744—840) according to the Tang dynastic histories. Canberra, 1968, стр. 5 (Australian National University. Centre of Oriental Studies. Occasional paper, № 8).

²¹ Там же, стр. 21.

²² Основные источники, освещающие ход восстания Ань Лу-шаня — Ши Чао-и, теперь переведены и подробно комментированы. См.: H. S. Levy. Biography of An Lu-shan. Berkeley and Los Angeles, 1960 (University of California. Chinese dynastic histories translations. № 8); R. des Rotours. Histoire de Ngan Lou-chan. Paris, 1962 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. XVIII).

союз»²³. Застав уйгурский отряд уже вблизи границы, «в местности севернее Трех крепостей» (Ордос), танский посол сумел склонить кагана к выступлению против мятежников²⁴. С четырьмя тысячами основного и десятью тысячами вспомогательного войска каган двинулся к Шаньчжоу, где соединился с императорской армией. В ноябре 762 г. с мятежом было покончено, а в январе 763 г. был казнен Ши Чао-и. «Эти двое согдийцев (Ань Лу-шань и Ши Чао-и) опустошили весь Китай и только к исходу восьмого года (восстания) в стране... воцарился мир», — заключает автор «Жизнеописания Ань Лу-шаня»²⁵. По справедливой оценке Р. де Ротура, восстание Ань Лу-шаня — Ши Чао-и стало началом конца Танской империи, которая так и не смогла оправиться от потрясений²⁶.

Решающую роль в разгроме мятежных армий сыграли уйгуры. Но после подавления восстания дальнейшее пребывание уйгурского отряда в окрестностях столицы стало для танского двора не только дорогостоящим, но и опасным. Принимались все меры, чтобы с почетом и как можно скорее выпроводить союзников. Военную помощь щедро оплатили. Бёгю-каган, его супруга и военачальники получили почетные титулы. Огненные в каганский титул Бёгю были введены слова «ин-и цзянь-гун». В марте — апреле 763 г. уйгуры покинули Китай²⁷.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увозил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения. — согдийских миссионеров-манicheев, чью веру он принял в Лояне. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках²⁸. В этой рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины. В одном из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, Бёгю-каган именуется «великим государем», «мудрым уйгурским каганом», «эманацией Мани»²⁹.

У границы своих земель, на пути возвращающегося войска, каган установил победную стелу, на которой рядом с тюркской надписью, за шестьдесят лет до создания Карабалгасунской трилингвы, впервые появилась надпись на согдийском языке — языке новой веры. Сэврэйский камень стал первым свидетельством новой ориентации культурно-идеологической политики последней из тюркских империй Центральной Азии, ориентации на согдийский Запад.

²³ С. *Mackerras*. The Uighur Empire, стр. 25

²⁴ Там же, стр. 27. Возможно, что упоминаемый в 5-й строке тюркского текста Сэврэйской надписи Кюль-таркан — то же самое лицо, что и Кан А-и Кюль-таркан китайских источников. Он родился в 690 г. в знатной согдийской семье, служившей тюркским каганам. В 712 г. занимал пост советника Капаган-кагана. В 742 г., накануне падения второго Тюркского каганата, бежал с семьей в Китай и получил назначение в Пинду (см. подробнее: С. Г. *Кляшторный*. Древнетюркские рунические памятники, стр. 121—122). Во время восстания Ань Лу-шаня стал его сподвижником, но уже в 757 г. перешел на сторону императорских войск. Вместе с двумя своими сыновьями занимал высокие посты в армии, сражавшейся против Ши Сы-мина и Ши Чао-и. Умер в 766 г. Его эпитафия сохранилась (*Ань Лу-гун*. Собрание сочинений, сер. «Сы бу цун кань», № 1787, т. 3, изд. 9, лл. 7а—10б), и мы смогли ознакомиться с ней благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова.

²⁵ *R. des Rotours*. Histoire de Ngan Lou-chan, стр. 352.

²⁶ Там же, стр. 2.

²⁷ *E. Chavannes et P. Pelliot*. Un traité manichéen, стр. 214; *C. Mackerras*. The Uighur Empire, стр. 38.

²⁸ *A. v. Gabain*. Das Uigurische Königreich von Chotscho (850—1250). Berlin, 1961; *ee же*. Die alttürkische Literatur. Manichaica. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. II. Wiesbaden, 1964, стр. 231—237.

²⁹ *F. W. K. Müller*. Uigurica II. Berlin, 1911, стр. 95; *E. Chavannes et P. Pelliot*. Un traité manichéen, стр. 213.